

АНАТОЛИЙ СУГАК
СИЧЕЕ
2019

18+

Анатолий Сугак

Синее

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43255543
SelfPub; 2019*

Аннотация

Описанное в книге можно считать чистойшей биографией, за исключением измененных имён и той самой главы, когда мы перенеслись на другую планету. Так, как описано в книге, жить нельзя. Во всяком случае долго. Исключительно потому, что события отображены на коротком промежутке времени, серьезных последствий мне описать не удалось, но, кто знает, как быстро они начнут отображаться на каждом из участников.

Синее

Шутка ли? Да.

А где заканчивается свобода.

Убежден, что именно там, где начинается свобода другого человека.

Рассказ написан про человека, которому пора бы выйти из такой жизни.

Множество из вас такие же, может не в таких масштабах. Все, в общем-то.

Я не говорю, что пора бы что-то изменить, дело лично каждого.

Учитывая это, я предложил только посмотреть со стороны.

Приятного чтения.

Головокружение.

После смерти родителей, я остался один. Не буквально, у меня есть много братьев, друзей у меня была девушка, но это

все не то, как бы банально не звучало. В последнее время до их смерти я особенно остро чувствовал свою связь с ними, так, как будто такого человека как я не может существовать без них. Ровно так же, как человек не может существовать без сердца, мозга, лёгких или других жизненно важных органов. Они ничем не болели, так что ничего не предвещало этого происшествия, просто череда событий привела к такому конечному результату. Мама умерла спустя два года после папы, как бы она не старалась, но избавиться от одиночества без него она не могла. Так же, как и я сейчас. Жизнь каждого человека я сравнивал с хорошим сценарием фильма. Каждое событие связано в сложную цепочку взаимодействий, влияющих друг на друга. Никто не встречает человека просто так, он обязательно «выстрелит» в другой сцене. Таким образом, я не могу не брать ответственность за смерть своих родителей, да и в целом за что-либо происходящее в жизни людей, со мной знакомых. Дело не во мне «важном» – с точки зрения моей философии, каждый влияет на каждого, поэтому я стараюсь вести себя максимально рассудительно общаясь с людьми. Не хотелось бы, чтобы моя роль в сценарии кого-либо привела к плохому исходу. Получается плохо, но я правда стараюсь. Я проснулся. Голова кружилась, но не болела. Да и вообще ничего не болело, что означало только одно – я снова проснулся пьяным. Мой телефон как обычно выключен, я в той же одежде, в которой приходил домой.

– Хорошо хоть туфли снял, – речь даётся тяжело, перед этим нужно откашлять этот раздражающий ком в горле. – Да что же это такое. Я кинул телефон на зарядку и прошел на кухню. В соседней комнате лежало двое таких же пьяных тел. Мой друг, Серый, с какой-то из вчерашних подруг. Остальные, видимо, смогли-таки дойти до дверей, чтобы уйти. Им нечего бояться, тут их никто не обидит, хотя, конечно, их мамочки так не считают. Да и хрен с ними.

– Досидел, таки, – я закрываю дверь, чтобы та не смущалась, когда поймет, что вчера она так и оставалась открытой.

Я давно уже перестал пытаться досидеть до момента, пока все разойдутся. Сажу себе в кайф, потом память отрубается, и я просыпаюсь в кровати. Уже даже не стыдно за то, что вчера было, потому что все остальные в этой компании такие же. Черт с остальными.

Девочки не ушли. Одна лежала на столе в тарелке, использовавшейся для окурков. Такое часто случается, когда в маленькую пепельницу уже никто не попадает. Так я и понял для себя ту самую песню. Кухня моя была именно такой: белые обои (просто заштукатуренные стены) и, покрытая слоями различных сигарет и черного пепла, посуда. Вот и весь секрет. Всё, что угодно может быть пепельницей: тарелка, стакан с соком, разбитый бокал, собственная рука. Я посмотр-

рел на свою руку – она была обожжена. На трезвую будет стыдно, но это случится еще не скоро.

Вторая принцесса накрыла себе в ванной. Я вспоминал. Она боялась ложиться со мной в кровать и показательно утащила плед и одеяло. А мне так всё равно было бы на её присутствие.

– Шо ты, подруга? – я любил переходить на свой старый сленг, общаясь с этими девочками. – Движешь?

– Мг, – протянула она. – Вызовешь такси?

– Ты живёшь через дорогу.

И она снова заснула. Для неё это уже привычка – засыпать вот так в чужих квартирах, так что она даже не задумывалась, где находится. Её шелковистые светло-каштановые волосы испачкались и, почему-то, мне стало так обидно. Наверняка, она каждый раз так готовится к приходу сюда.

В двери всегда заходят настоящие королевы – манерные, юморные, стараются даже участвовать в дискуссиях. А уходят ободранными, с поджатыми хвостами, хоть и пытаются держаться грациозно и всё так же манерно улыбаться. Эта, как обычно отлежав половину лица, не сможет поднять уголок рта, так что получится явно не то, что она хотела. Так что и относится к ним по-королевски, я не собираюсь. Так себя вести – это их выбор. Я неоднократно предупреждал.

Я смотрел на ту русалку в ванной с такой ехидной ухмыл-

кой, что увидь меня кто-либо из старых друзей, наверняка отбил бы пощечину, а то и просто ушел от меня. Мне хотелось облить её с рук водой, но она так свернулась калачиком, прижав хрупкими руками тонкие коленки, что я просто растаял. Я принёс теплое одеяло из своей комнаты и завернул это создание в него. Она помягче примостилась на пледе и улыбнулась. Я ушёл.

Беспорядком это назвать было нельзя. Типичный притон из документальных фильмов, которые показывали нам в начале средней школы. Я вернулся в свою комнату и включил телефон. Тут же прозвенел звонок.

– Тоха, ты будешь на парах?

– Нет, – я пытался сделать болезненный голос, хотя знал, что давным-давно никого уже не обману этим, – приболел что-то. Может к третьей.

– Бухал вчера?

– Так, выпил немного.

Я не сбрасываю. Знаю, что и так никто не ответит. Лишь непродолжительное молчание в трубке и короткие гудки. Вот и всё моё общение с трезвым миром. Когда же я протрезвею? Который день уже просыпаюсь пьяный. Раньше такого не было. Я, по крайней мере, просыпался с больной голо-

вой, но трезвый. Видимо, организм бросил попытки бороться с алкоголем и ждать пока он выйдет естественными путями. Единственное, что вызывало у меня форменный страх даже в таком состоянии – зеркало. Раньше я был достаточно красив: острые скулы, пронизывающий взгляд карих глаз, ровные пухлые губы, темно-каштановые волосы. Я гордился своими волосами, думая, что в них смешалось всё лучшее из волос всех предыдущих поколений. Когда девушка запускала в них руки, я чувствовал себя так прекрасно, как только может чувствовать себя самый самовлюбленный человек в мире. Таким я и был.

Какой бы не была завышенной моя самооценка, теперь любить этого человека в зеркале не мог даже я, что уж девочки. Обритые под тройку и торчащие во все стороны черные волосы, они теперь казались плешивыми и выпадающими. Вместо острых скул – щеки и опухлости под глазами. Покрасневшее и потрескавшееся от ночных ветров лицо, покрытое обильной сыпью из прыщей, от которых нет никакого спасения. Ни за что в своей внешности я не мог зацепиться, чтобы признать, что я хоть сколько-нибудь красив. В помутневших глазах не было ничего пронизывающего, только дегенеративный взгляд придурка с одним вопросом: «Почему не налито?».

В дверь постучали. Звонок уже давно не работал.

– Кто?

– Свои.

Гаря. В руках он держал средний супермаркетовский пакет. Я скептически осмотрел его с ног до головы, ожидая в его взгляде реакцию из разряда «Что-то не так?», но вышло по-другому.

– Сейчас нальём! Вот, принёс.

И он вытаскивает торпеду пива из пакета. Я пожимаю плечами.

– Заходи, все спят еще.

– Нам больше достанется, – ехидно заявляет он. Как будто я хотел больше. – На пары не поехал?

– Поехал.

Он окинул меня непонимающим взглядом, потом махнул рукой и пошел на кухню, надев тапки.

– Доставай бокалы! – кричит он подруге на кухне.

Я даже не удивился, что девочка встала, помыла три стакана и поставила на стол.

– Убирать, кто будет? – серьёзно спрашиваю я. Меня задрал этот бардак в моей квартире.

– Убирать в этом пр... – не успела она договорить, как Гаря толкнул её локтем. Они знают, что я ненавижу, когда мою квартиру называют притоном, бадегой и так далее. Суть это, конечно, не меняет, но после подобного заявления непременно последует длительная лекция о том, что вообще-то притон здесь из-за них.

Я был ему благодарен, мне и самому лень было это проговаривать снова. Отрезвление подходило, я ощутил это по обильному поту. Всё моё тело словно выдохнуло алкогольные пары, так, что я чуть не упал на пол от бессилия. Подруга протянула мне бокал, и я принял пол бокала за раз. Культура питья пива, как-никак. Вряд ли это относится к магазинному пиву по скидке (другое Гаря принципиально не покупал), но хоть где-то я хотел оставить культуру за собой. От холодного пива по всему моему телу пробежали мурашки. Это ложь, что опохмел бодрит – он просто возвращает тебя в то же состояние, в котором ты был пару часов назад. То есть, в состояние сильного опьянения. Ехать на пары или разговаривать с нормальными людьми в таком состоянии я себе позволить не мог.

– Шо там движ? – чрезмерно экспрессивно обратился я к компании.

– М? – одновременно переспросили у меня они. Они не

понимали мой сленг. Это другой район, и поведение совсем другое. И разговоры тоже.

– Куражимся?

Гаря кивнул, мы чокнулись, и я принял еще половину. Девочка положила голову на стену и начала засыпать.

– Оля! – резко схватив её за плечи, рывкнул я. И засмеялся.

Она выпрямилась, как струна, но через секунду повернула голову ко мне и сощурила свои ведьмовские зеленые глаза. Как бы я хотел в них влюбиться. Но в этих глазах лишь на мгновение появлялась нотка неукротимости и женского колдовства. В следующую же секунду они снова расплылись, так же, как извивающаяся улыбка по её наполовину онемевшему лицу. Куда уж там влюбляться. В коридор выплыли Серый с Настей. Никого не стесняясь, Сережа в одних трениках вошел на кухню и смачно потянулся. Настя в трусиках и в маечке пробежала в ванну под пристальным взглядом Гари и Оли. Оля ревновала здесь всех и ко всем, но старалась тщательно это скрывать. С другой стороны, единственными, с кем она засыпала последние наши вечеринки, были черная тарелка или бокал недопитого вина.

– А-а-а! – запищала принцесса ванной комнаты.

Мы все рассмеялись, и Серый побежал смотреть на то, что не смог совершить я – Настя облила её водой.

– Сучка! Проваливай отсюда!

Я вытянул её из ванной комнаты, и Настя заперлась.

– Ну, ты видел, что она сделала? Разберись с ней, ты же хозяин!

Я нахмурил брови.

– Теперь тебя это волнует? Когда я вчера говорил не орать на весь район, ты не думала, что я хозяин. Певица, мать твою. Вот, сейчас неплохой вокализ получился, согласишься.

Она меня не поняла.

– Иди в комнату, короче. Застели постель, пожалуйста.

– Вот еще! – она фыркнула и, ловко развернувшись, направилась в мою комнату.

Да и плевать на тебя. Только и ждешь, пока придет в ванную к тебе кто-то. В какой-то степени она, конечно, была красива, но не так, как хотелось бы мне.

Я вернулся на кухню. Оля снова отрубилась, а Серый с

Гарей обсуждали, что они помнят со вчерашнего дня.

– Как мы встретили Олю? – поинтересовался я.

– Не помню, – начал Гаря, – помню тут сидела Настя с Серым, а мы с тобой в комнате ругались. Потом вернулся, их уже нет, а Оля уже наворачивала второй бокал вина.

Это я тоже помнил. Ночью, когда мы вернулись на кухн., она пафосно сидела на угловом диване. Окинула нас своим мимолетным ведьмовским взглядом, прищурив глаза-изумруды, высокомерно отвела взгляд и, по-королевски приложив тонкие губы, накрашенные фиолетовой помадой, глотнула вина. Она всегда начинала так. Откинув шелковистые волосы, обнажила аккуратное ушко с серебряной сережкой, сверкающей изумрудами. Затем, закидывала ножку на ножку, как бы визуально удлиняя их. На ней были её любимые обтягивающие черные джинсы с разрезами и фиолетовая шелковая блузочка с не очень глубоким вырезом, но достаточным, чтобы нас с Гарей заинтересовать. Вся кухня, как обычно, пропитывалась запахом её духов – что-то среднее между ароматом ягод и теплого июльского воздуха. Она приносила лето в нашу холодную мартовскую обстановку.

– Настя мне открыла, – промычала Оля.

И я вновь увидел онемевшее лицо, испачканную пеплом и вином одежду. Помада её была цела, так что никто из нас так

к ней и не притронулся. Видимо, водка каждый раз оказывалась приоритетнее. Настя вышла из ванной в моём халате. Он был велик ей размеров на пять, но что-то внезапно такое уютное появилось в ней, что я захотел просто прилечь с ней на чистую кровать и, обхватив под этим халатом так крепко, как только можно, заснуть и очнуться через пару дней, вновь красивым и здоровым от алкоголизма. Но она пошла к Сереже и, нежно притянув к себе за локоть, поцеловала в щетинистую щеку. Он и глазом не повёл. Да и мне было фиолетово на это. Я хотел не Настю, а уютную девушку под рукой.

И тут я вспомнил. Меня охватил холод, и в то же время, словно обжигающий панцирь приклеился к моей спине так, что я не мог стоять на ногах. Я грубо сдвинул Олю с части углового дивана и откинул голову назад.

– Ты чего? – недонеся до рта бокал, спросил Серый.

– Уходите все. Быстро убирайтесь.

– Скотство, он опять за своё, – отозвался Гаря.

Я слишком резко отреагировал на это, но то, что я смог выговорить это чётко, было уже достижением:

– Сволочь ты! Только выпить тебе и нужно, а как у тебя то же самое, так запираешься у себя и пересматриваешь га-

лерею телефона, – он разозлился, но ничего не ответил. Это была правда. – Меня бы хоть раз понял, а не проморозил то, что я тебе говорю. Пошли вон отсюда! Увидимся в другой раз.

Я, не вставая, вытащил Олю за локоть и толкнул в сторону выхода. Мысль о том, что собираться им еще минут двадцать, изматывала меня морально, и всё моё тело начинало крутить от боли, словно в судорогах.

– Ухожу я, ухожу. Умоюсь дома, мамы уже нет.

Они ушли намного быстрее. Через пять минут не было даже полуголой Насти, даже «веселуна» Гари, тем более Оли с русалкой. Я закрыл глаза грязными от мокрого пепла и липкого стола ладонями, неуклюже опершись на колени.

«Из синего-синего моря возрождается, рассветает молодое красное солнце, и самые кончики волн отсвечивают фиолетовым..», – прогонял я в голове.

– Опять её вспомнил? – тактично спросил Сережа.

– Угу.

– Я не знаю, что говорить тебе, прости.

– Мужчина не имеет права сказать «я не знаю».

Он замолчал, взглядываясь в небо цвета шотландских вислоухих. Шотландских вислоухих.

– Я резко так, но ты же понимаешь, по-другому не получается пока, – бубнил я в ладони.

– Да я понимаю, конечно. Не любил что ли никогда, – снова помолчав, добавил, – я с тобой, Тоха.

– Спасибо, кореш.

«Из синего-синего моря возрождается, рассветает молодое красное солнце, и самые кончики волн отсвечивают фиолетовым. Так природа придумала её цвет глаз».

Дембель.

Он лежал на койке, свесив обе ноги, чтобы не разуваться. Рисовал в дембельском альбоме парашютистов, карикатуры на своих товарищей и командиров. Держа в зубах простой карандаш, он так добродушно улыбался, что каждый, увидев эту ухмылку, повторял за ним. Неосознанно. И лишь пройдя с десятков метров убирал лыбу с лица и снова хмурый шел дальше. Это шло из самого сердца и передавалось всем остальным.

Спустя сотни писем, сотни часов тренировок, стрельбищ и трудовых работ. Спустя десятки прыжков – он наконец-то вернется домой.

– Витя!

Он подорвался с кровати.

– Что там?

– Футбол через двадцать минут, на спортплощадке! Дембеля против духов! Идешь?

Он снова улыбнулся и махнул рукой.

– Я подойду, ты же знаешь, я не играю.

Товарищ так же растянулся в улыбке, сам не понимая, почему.

– А, ну тебя! – махнул рукой и был таков.

А он всё так же вырисовывал в своём дембельском альбоме разноцветными карандашами иллюстрации, уже представляя, как будет разгуливать в широких белых брюках по Приморскому бульвару, вдыхая свежий морской воздух. Думал о родителях и о младшем брате. Думал о гражданке. Картинки так красочно ложились на листах альбома, что, казалось, отведи взгляд в сторону, они пускались в пляс. Солдаты радостно шагали вверх-вниз по листу, парашютист стремительно и чётко спускался к своей цели. Желто-красные вспышки артиллерийских орудий рассыпались каскадом

фейерверков. Кое-где приходилось дорисовывать детали вокруг фотографии, но от этого он настолько входил в раж, что дополнял изначальное полноценной картиной событий, добавляя на обычное стрельбище вертолеты, танки и воображаемого врага. Вложив пергамент между последней разрисованной страницей, он удовлетворенно захлопнул альбом так, что эхо отбилось от серых барачных стен, разнося слабый отголосок последних приготовлений к дембелю по всей части. Аккуратно сложил под самую стеночку альбом и карандаши, прикрыв брезентовой курткой. После чего, отправился на стадион посмотреть на игру.

Он любил футбол с самого детства, но из-за детской болезни редко играл сам. Чаще всего сидел на стадионе, внимательно наблюдая за каждым игроком, раз за разом поправляя и протирая очки. Вот и сейчас, уже, правда, без очков, он наблюдал, как мяч летит из стороны в сторону, от одного игрока к другому. «Старички» естественно вырывали победу у молодежи, но что-то ему подсказывало, что вторые поддавались. От мыслей об этом, на его лице снова появилась мальчишечья улыбка.

Внешность его была неестественной для обычного украинца. Вытянутое лицо с длинным носом и черными глазами придавало восточных черт. Профиль представлял собой что-то между греческой и тюркской внешностью. Тонкие длинные брови плавно проходили над среднего размера глазами. Но стоило ему посмотреть на человека исподлобья, как всё доб-

родушие пропадало и оставалось лишь холодное презрение. И как неприятно для других было видеть, что вечно доброжелательное отношение сменялось безразличием.

Горячая пыль стадиона неслась клубами из-под ног солдат, песчинки её разлетались настолько далеко, насколько того хотел ветер. Так же и эти дембеля разъезжались по огромной стране в свои родные дома. И сколько таких же молодых парней не вернулись к родным из Афганистана.

Сразу после окончания училища он собирался поступать в университет, но будучи 18-летним был призван в армию в тот же месяц. Только узнав про это, родители отправились за помощью к его дяде, полковнику, хотя шансов было не много.

В то время раскидывали их по всей стране, и отбиться от отправления на войну можно было либо с помощью больших связей, либо еще больших денег. И вот, когда поле окончания учебки к ним в часть приехали «покупатели», тот самый дядя протолкнул его в десантные войска. Такой размен он посчитал равноценным. На два года он надел синюю десантную тельняшку и поехал покорять голубое небо. Голубое небо. На вокзале его встречали так тепло, как могут встречать только самые близкие люди. Мама плакала, крепко обнимая старшего сына, а отец учтиво сжимал его плечо.

– Ну, теперь мужчиной уже вернулся, – лишь слегка протянув уголок рта, сказал его папа.

– Да ладно тебе, пап, – мягко ответил он. – Поехали до-

мой.

Дома их, конечно же, уже ждал пышный обед. Все соседи приветливо встречали вернувшегося с армии как родного сына. В те времена все во дворе были друг другу родными. Соседи всегда могли выручить, поддержать, помочь, ничего не требуя взамен. Они и так знали, что в любой момент тот, кому ты оказывал услугу, окажет её тебе. Мужчины смотрели на него совершенно другим взглядом, оценивая самодельную дембельскую форму с шикарным золотым аксельбантом.

– Решил уже, чем заниматься будешь? – прервавшись от еды, спросил отец.

– В университет поступать буду. Скоро как раз вступительные.

Мама заметно обрадовалась, но не показала этого сразу. Она по-доброму улыбнулась и пошла за добавкой.

– Кудой? Ты же не будешь готовиться. Что я, не знаю тебя, – строго отвечал отец. – Пойдешь гульбанить со своими дружками и не сдашь ничего.

– Да я и так всё знаю почти. В армии было время подучиться, – он отвечал с ноткой ехидства, в то же время не забывая отдать должное папе за помощь. – А тебе что, есть

что предложить?

В нём кипел огонь молодости. За два года в армии выплёскивать это получалось только в физические нагрузки. Так что весь энтузиазм и пламя ему хотелось вложить во что-то стоящее. Что-нибудь, что обеспечит хорошую жизнь себе и его семье. Теперь пришла пора интеллектуального труда и движения в этой стезе. Он действительно часто учился, читал книги, имеющиеся в библиотеке. Особую симпатию питал к научной-фантастике. С трудом отысканные Гарри Гаррисон, Герберт Уэлс, Рэй Бредбери. Что уж говорить о советских классиках этого жанра: Беляев, Стругацкие. Он зачитывал их книги до дыр, перечитывая редкие экземпляры по три-четыре раза, представляя и себя на далеких планетах, вместе с покорителями галактики. Хоть мечтателем и романтиком назвать его редко кто мог, но в такие моменты он бросался в фантазии с головой, забывая обо всём другом.

– В общем, я договорился в нашем депо. – продолжал отец. – Тебя с твоим образованием возьмут слесарем-токарем. Зарплата хорошая, еще и по карьере скакнешь быстро. Там и до мастера дорасти можно. Решай быстрее.

– Я буду поступать. Там посмотрим, – немногословный ответ слегка разозлил отца, но возражать тот не стал. Через пару дней по возвращении наш герой действительно начал

понемногу готовиться к поступлению. Времени всего месяц, а на улице лето, друзья и девушка. И как кружится от этого всего голова после двух лет на службе.

Небольшой компанией они стояли у безымянной наливайки. На столике в пластиковых стаканах светлое пиво без пены. Самый маленький, но очень шустрый и набитый в многочисленных драках Костя хитро осматривал всех прочих посетителей наливайки. Рядом с ним, спокойный как слон, Гриша в синей кепке и в спортивном костюме внимательно изучал свой стакан пива.

– Мне недолили, – заключил он. – Вот полоса на пол литра, а у меня намного ниже. И это я еще не отпил. Шарлатаны тут повсюду.

– Дай людям зарабатывать, – с широкой улыбкой ответил Витя и слегка засмеялся. – Как будто первый год в Одессе.

Он недовольно покрутил усом и, приложившись к стакану, сделал приличный глоток.

– Разбавляют, – снова заключил он.

– А это что за бендюжники? – резво спросил Костя. – Что они тут забыли?

Витя обернулся, заметив ребят в спортивных костюмах, воровато оглядывающих местность.

– Шалапай с Малины. Не обращай внимания.

– Это наш район, – возмутился он.

– И что? Им вход сюда воспрещен? Ну, поставь тогда шлагбаум и бери впускные, – Витя сделал небольшой глоток и приложил холодную от бокала руку к смоляным жестким волосам. – Пусть стоят.

– Что там твоя подготовка? – спросил Гриша.

– Да готовлюсь я, что вы пристали. Как мама, в самом деле.

Мама его действительно каждый день капала: «Учи, учи, сынок, ну не поступишь же». Только тогда он и садился за подготовку. Признаться себе в том, что он не знает программу на достаточном для поступления уровне, не мог – был слишком гордый для этого. Редко кто замечал в нём большие пороки, кроме тех, что и так испокон веков принадлежат молодежи. Готовность помочь друзьям и семье практически в любой проблеме только сбивала всех прочих с толку, скрывая то, что гордость в нём частенько играла. И играла достаточно сильно.

– Смотри-ка, они сюдой идут, – хитро оскалился Костя.

Он уже переминал костяшки, крепко сжав в руке зажигалку. – Хай только попробуют.

– Что попробуют? Сам же начнешь, – Витя так и не повернулся, пока те не подошли.

– Добрейший денечек, – по-хулигански начал один из них. – Где это вы в сухой нашли?

Эти были блатные. По крайней мере, они так себя вели. Молодые пацаны, которые еще думали, что за них всегда впишутся «старшие», неважно, в какую они залезут ситуацию.

– Ты что-то берега попутал, молодой, – Костя уже готов был срываться в драку, но холодное спокойствие его товарищей сбивало с толку. – За шо вы подошли?

– Так, интересуемся, дядя, – он сунул руки в карманы и сплюнул.

Витя стоял, задумавшись о своих перспективах от поступления в университет. Такие моменты бывают у всех, когда вдруг понимаешь, что дело, которым занимаешься сейчас, никак не перемежается с твоими планами на жизнь. Это то, что мешает тебе, то, в чём ты погрязнешь, как в болоте, а обещания закончить сегодня-завтра, через неделю – как тянуть себя за волосы из этого болота.

Он наконец повернулся к главному хулигану:

– Выпить хотите, молодняк? – он навис над ними, слегка нахмутив брови. Видок у него сложился что ни на есть бандитский. Так что спорить им особенно не хотелось. – Так что вы понты гоняете? Берите моё.

Он снова улыбнулся и похлопал главного по плечу. Все рассмеялись и осторожно подошли к столику. Даже Костя, не убавляя ехидства, осмотрел Витю, но всё равно кивнул и протянул парням руку, чтобы поздороваться. Всем вдруг стало понятно, что драться в этот день никто больше не захочет. Витя попрощался со всеми и пошел в сторону дома, чтобы сесть за подготовку. Всё-таки он понимал, что высшее образование – это дверь к лучшему будущему и большие перспективы. С другой стороны, та же гордость твердила без умолку, что высшее образование не станет решающим фактором в его жизни. И без того он хорош и перспективен. Оставшиеся недели он действительно по большей части провёл за подготовкой. Он думал о том, как уделает своих друзей. Не по-злomu, не для того, чтобы похвастаться. По-хорошему, чтобы немного потешить своё самолюбие и показать им примёр, к которому неплохо было бы стремиться. Подготовка перебивалась чтением новых книг и выписываемых им журналов, в которых частенько вписывали те самые научно-фантастические многосерийные рассказы. И мечты всё усиливались. Тем более, что по предсказаниям ждать-то

оставалось не так уж долго. Спустя каких-то десять лет после миллениума будет колонизирован как минимум Марс, а то и дальше. И уж там точно понадобятся инженеры-специалисты из самой промышленной страны на Земле. И он будет одним из первых покорителем этой планеты, конструируя марсоходы и прочие средства автоматического передвижения. Купит домик с участочком и будет выращивать земные растения на привезенной с родины почве под изолированной теплицей. И вот, спустя десять минут, он уже вырисовывал грубо выточенным карандашом на листе план этого дома. Пририсовывал гараж, двухэтажный домик на манер дачи и, конечно же, маленькую тепличку с растениями, цветами и каким-нибудь деревцем. И лишь услышав вновь голос мамы, возвращался к подготовке. Наступил день экзамена. Все абитуриенты напрягали мозг над своими билетами, шурша карандашами, кое-где агрессивно стирали все записи резинкой и тут же нервно постукивали ими по фанерным партам. Члены приёмной комиссии лениво поглядывали на часы, вызывая по одному дрожащих от страха ребят. Наш же герой сидел уверенно, дописывая последние детали решения, внимательно изучая, не ошибся ли он где-то.

– Эй, пс! – шепотом окликнул его кто-то сзади. – Да слухай ты.

– Чего тебе? – не отвлекаясь, ответил он. – Пишу я, не

видишь что ли?

Тот дернул его за воротник.

– Да послухай ты, мамка знает, що я не поступил, выпорет и отправит в армию. А там, сам знаешь! – активная урбанизация давала о себе знать, таких ребят из пригородов всё больше приезжало в города, пытаюсь вырваться и поступить в ВУЗ. Он бы и не против ответить что-нибудь в роде «да и отслужил бы, я вот только вернулся», но слова про маму не могли не повлиять на него.

– Давай сюда, – незнакомец передал ему лист с тремя уравнениями. Так как свои задачи были уже решены, он быстро разобрался с его вопросами.

– Дякую, товарищ! Як от мамки кажу! Я Паша, якшо шо, Миколайович, – он издал смешок, – Може еще в одну группу попадемо. Хай щастить тобі!

– Да и так вроде удачей не обделен, – отшутился он и пошел отвечать. В пяти вопросах он лишь два раза ошибся и, получив свой заслуженный положительный балл, довольный отправился домой. В мечтах он уже был полноценным студентом высшего учебного заведения, с портфелем и кипой тетрадок. Представлял, как будет вечерами сидеть с лампой за домашними заданиями, потягивая свой сладкий черный

чай с мамиными домашними котлетами.

По приходу домой он, конечно же, отчитался родителям об успешности своей сдачи. Мама радостно накрыла на стол и начала расспрашивать детали, а отец, вечно угрюмый и подозрительный, выслушивал каждое слово, пытаясь найти, в чём что-то могло пойти не так. Но, так и не найдя, молча принялся за праздничный стол и полный энергии отправился гулять. Результаты долго ждать себя не заставили. Толпа будущих студентов сгрудилась напротив списка поступивших. По одному или группами они отходили, то радостные, то разочарованные до глубины души. Печальнее всего было наблюдать за двумя друзьями, один из которых, еле сдерживая радость от того, что нашел себя в списках первых, поддерживал своего товарища, находившегося в самом низу. Второй был явно очень молод, и вскоре его, конечно же, ждала армия. Витя, не вынимая рук из карманов, подошел к огромному списку, выглядывая своё имя среди сотен других. Но когда нашел себя, сердце упало в пятки. Он недобрал полбалла, уступив место тому самому Павлу Николаевичу. Сомнений быть не могло. Глубокая обида пронзила его сердце и он, со злости, начал выглядывать своего конкурента, но так и не нашел. Такой же грустный, как и другие не поступившие, он побрел прочь от дверей института. Пара часов нравоучений от родителей, распадающиеся мечты о профессии одного из первых инженеров-колонизаторов Марса. В его голове понемногу осыпался двухэтажный дачный до-

мик на красных песках, покрывалась трещинами теплица и протекала от кислотных дождей крыша гаража. Но внезапно проснувшееся в нём чувство хозяина заставило срочно залезть на крышу гаража, залатывая в нём трещины, укрепить стены домика и залатать новым сверхмодерновым стеклом теплицу. Родители уже сидели в своей комнате, раздраженно просматривая каналы, когда он вошел в комнату.

– Пап, меня еще возьмут в Депо?

Труха.

– Да пошла она, сколько можно уже! – я отбросил телефон в сторону.

Надо мной нависла Оля, слегка поглаживая по плечу. Никто не отреагировал на мой выпад. Кроме Оли, наверное, но я этого не видел, мне было наплевать.

– Чтобы любовницы с женами не пересекались! – резко встал я и протянул рюмку. Компания загудела, и мы парни чокнулись. Девочки скривились так, словно я говорил это назло им. Потом, с таким видом, как будто это виски двадцатилетней выдержки в дубовой бочке, а не водка получасовой выдержки в морозилке, выпили свои рюмки. Они пытались запить, чтобы не так ощущалась горечь, но делать этого со-

вершенно не умели. Запивают, как и закусывают алкоголь с той целью, чтобы перебить отвратительный вкус от паров спирта. Пары выходят на выдохе, а не на вдохе, таким образом, в тот момент, когда вы запиваете, закусываете чем угодно, хоть сладкой водой, нужно выдыхать, забивая ужасные пары спирта вкусом или запахом чего-либо другого. Вот, к сожалению, основной спектр моих знаний.

– Может, Настю снова позовёте? – съязвила Юля. Она была с нами всего второй раз, но делала такой вид, будто пустила здесь корни и вообще «самая важная подруга на селе». Она была симпатичной, но авторитета и важности не имела. Только Гаря заглядывался на неё, ожидая, когда она подопьёт чуть больше.

Серый молча раскидал на клабр и мы, так же ничего не говоря, взяли карты.

– Научишь меня? – кокетливо обняв меня за шею, спросила Оля.

– За какой хрен?

– Ты очень грубый, – сказала она, не отпуская мою шею. То ли от алкоголя она уже не могла принимать такое серьезное решение, как отойти от меня, то ли я ей реально прибил-

ся в голову, но мне было глубоко всё равно. В тот момент я точно про это не думал, да и никогда не подумаю. С другой стороны, я понимал, что со мной поступили точно так же.

Неоднократно уже я говорил Оле сюда не приходить больше. В последний раз она была на волоске от реальной смерти. Не от алкоголя. После того случая я старался держать её на дистанции, но сейчас ничего не могло предвещать беды. Мы пили только вторую бутылку магазинного рома на четверых, а девочки раздавили бутылку «шампуня» на двоих. Вечер обещал быть приятным и без последствий, так что я просто играл и думал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.